

торов, репортеров, машинисток, сторожей и рассыльных. Насколько это позволили источники, авторы представили краткие биографические зарисовки сотрудников газеты.

Нельзя не согласиться с выводами авторов о том, что газета «сумела уйти от декларативности, слепого служения режиму и дрейфовала вместе с обществом. Газета сама становится субъектом культурной жизни, собрав и объединив вокруг себя лучшие интеллектуальные силы иркутской провинции» (с. 217).

Вместе с тем хотелось бы высказать некоторые критические высказывания о рецензируемом издании. Иногда в рамках одной главы авторы не выдерживают последовательности в изложении материала, переходя от одной темы к другой. К сожалению, книга не очень внимательно вычитана, в ней встречаются досадные опечатки. Несколько однообразен иллюстративный ряд книги. В нем преобладают в основном репродукции из газеты, призывающие к подписке на нее в разные годы. Понятно, что авторы показывают этим, что газета являлась не только сугубо политическим изданием, но и, в известной степени, коммерческим, однако такая излишняя повторяемость, может создать у читателя несколько одностороннее впечатление. Иногда авторы увлекаются слишком длинным цитированием. Например, на с. 103–110 идет цитирование комментариев заведующего агитационным отделом Иркутского губкома РКП(б) Ольхового и заведующего подотделом печати Н. Хребтовского. Хотя, с другой стороны, это можно расценить и как один из авторских приемов, призванных показать таким способом дух и стиль эпохи.

Очевидно одно, книжный рынок интеллектуальной литературы обогатился еще одним ценным изданием, в значительной степени ликвидирующим имеющиеся пробелы в сибирской историографии, изданием, материалы которого позволят по-новому посмотреть на сложные процессы отечественной истории 20-х гг. прошлого века.

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

80 ЛЕТ СПУСТЯ, или ВРЕМЯ СОБИРАТЬ ОСКОЛКИ МОЗАИКИ

Знакомство с новой книгой, выпущенной в свет Центром по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области на исходе минувшего года*, невольно воскресило в памяти события 80-летней давности, о которых пишущему эти строки довелось узнать из архивных материалов в ходе занятий историей местной науки.

* Мозаика Иркутской губернии. Старинные селения Приангарья: очерки истории и быта XVIII–нач. XX вв.: сб. статей / сост. А.Н. Гаращенко. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская, Изд-во «Оттиск», 2007. 432 с., ил.

На исходе 1927 г. историческая секция Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО) приняла и направила на утверждение в Новосибирск широкомасштабный, рассчитанный на 15 лет план исторического изучения региона. Программу венчала идея изучения истории городов как центров промышленного развития и истории иных хозяйственных комплексов — районов и волостей. В качестве «строительного материала» для этого предполагалось использовать работы по истории местной промышленности, кустарных промыслов и крестьянства, а фактически — по истории «фабрично-заводских», «при трактовых», «таежно-промысловых» сел и деревень Иркутской губернии, населенных пунктов и производств, возникших или получивших импульс к развитию в результате прокладки железнодорожной магистрали. Программой предусматривалось регулярное издание монографий им посвященных, а также — «Исторического ежегодника» (!).

За программой отчетливо просматривались построения «научного руководителя» работ — профессора Н.Н. Козьмина, который еще в работе «К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии» (1910), набросал схему исторического изучения «сибирской сельской жизни». В ее эпицентре он поставил «обычный тип» — «"при трактовое" село на московском тракту и его ответвлениях и на вспомогательных путях». Указал и на «революционизировавший» сельскую жизнь фактор — прокладку Транссиба, превративший ряд сел в городские поселения «как по количеству жителей, так и по характеру жизни». А в статье «История сибирской промышленности и ее изучение» (1928) — усложнил схему, указав на присутствие в ней «фабрично-заводских» сел: размещенные в них предприятия оказывают неизбежное влияние на сельскохозяйственное производство, быт окружающего населения, развитие кустарных промыслов и т.д.

Многообещающий старт (а благодаря одобрению и финансовой поддержке краевых властей были начаты исторические изучения Тальцов, Тельмы, Усолья, Хайты, Черемхово, истории заселения московского тракта), не привел, однако, к сколько-нибудь значимым результатам. 1929 г. суждено было стать годом «великого перелома» и в истории местных исторических исследований. «Краеугольной» их задачей было заявлено изучение историко-революционного или историко-партийного прошлого.

И вот, 80 лет спустя, уже не ВСОРГО, а другой местной исторической институции довелось реализовать пусть и не исследовательский, а издательский проект, восполняющий по мере сил зияющую лауну в изучении истории «старинных селений Приангарья».

Преemptивность указанных проектов очевидна. Да и не может быть иной — не отталкивающейся от хозяйственных занятий их жителей — траектория исторического изучения селений. Составитель сборника А.Н. Гарщенко отнюдь не случайно в своем вступительном слове на примере Александровского селения показывает избирательность, однобокость, а нередко и идеологическую предвзятость его исторического изучения в

советский период — исключительно как места «жестокой царской каторги». (А разве не известны воспитанным в советские годы описываемые в книге Урик и Усть-Куда исключительно как места ссылки декабристов?) В самом же начале своей статьи «Александровский завод — Александровское селение» специально обращает внимание читателей, что его рассказ об истории формирования населенного пункта следует рассматривать как пример сибирского села, сформировавшегося из промышленного предприятия, и имевшего в силу этого «свои особенности в формировании состава населения, застройке, роде занятий жителей и т.д.».

Статья Ю.В. Братющенко «Тельма — памятник давно прошедшей жизни» — это рассказ о Тельминской суконной фабрике, давшей и долгое время поддерживавшей жизнь в этом селе. И не случайно автор начинает его с «оговорки». На заданный самому себе вопрос: «Что собой представляла Тельма?» он отвечает: «Это была первая сибирская мануфактура». Точно также как и статья Н.Г. Бубис «"В уважение пользы для страны" (к истории Тальцинского селения)» — это статья о поселке «рабочих людей» первого в Восточной Сибири Тальцинского стекловаренного завода.

Не являются исключением и другие статьи сборника (А. Хобты и С. Снопкова «Култук: село, разъезд, станция, поселок», Н. Бубис «Село у Невона-камня», «Урик — старинное волостное село» и «Усть-Куда — "красное" село»), с той лишь разницей, что жители описываемых в них сел занимались преимущественно хлебопашеством, все свободное от полевых работ время отдавая «дворничеству», торговле, ямщине, да отхожим промыслам.

Даже «журналистские зарисовки» Т.В. Ковальской о Черемхово хотя и одним абзацем, но дают читателю «хозяйственный» ключ к пониманию едва ли не всей 90-летней истории города: «Статус города село получило через девятнадцать лет после того, как в девяностых годах девятнадцатого века вдоль Московского тракта недалеко от села прошла Сибирская железная дорога и построилась станция Черемхово. Первый паровоз, окутанный паром и крестьянским восхищением-страхом-поклонением, своим свистком дал сигнал к преобразованиям сельской земледельческой жизни в рабочую и поселковую. Главным, как по мановению волшебной палочки, стал уголь, залежи которого были разведаны вокруг села... Уголь был необходимой "едой" для паровоза, поначалу "съедавшего" все окрестные леса. Самой важной профессией стал машинист паровоза и его помощник-кочегар, кидающий в топку котла дрова, а вскоре только каменный уголь, добываемый в Черемховских копях».

Параллель, проводимая нами между исследовательским и издательским проектами, разделенными восьмьюдесятью годами, позволяет лучше разглядеть еще одну особенность рецензируемого издания.

«Смена веков» в деятельности местных исторических институций на исходе «золотого десятилетия» иркутского краеведения совпала (по крайней мере, в Иркутске) с критикой «краеведческого» способа организации

исследований, методики исторических изучений и их результатов — краеведческих описаний. Критика «дилетантской» страсти «краеведов-любителей» к научной многогранности в той исторической ситуации не пошла на пользу ни науке, ни краеведению, а лишь обозначила разрыв между ними. Разрыв, который за минувшие годы не только не уменьшился, но, на наш взгляд, превратился в пропасть. Современные противники краеведения относят к «краеведческим» сочинения, ограниченные по методологической разработке или представленные «примитивными», с их точки зрения, формами — обзорами, сообщениями, описаниями, летописями. А в последние годы и вовсе пытаются дистанцироваться от самого термина «краеведение», заменив его «регионологией», «регионалистикой» или «регионоведением», разграничив тем самым поле деятельности ученых и любителей.

С подходом, отделяющим научное «регионоведческое» знание от ненаучного «краеведческого», вряд ли можно согласиться, хотя он, казалось бы, всего лишь фиксирует факт институционализации в современной научной культуре новой комплексной дисциплины. На деле же он углубляет разрыв между наукой и краеведением или, если взглянуть на проблему более широко, между наукой и массовым сознанием, между наукой и обществом. Утвердившиеся стандарты научных исследований делают их результаты практически недоступными для восприятия «непосвященными», даже если речь идет не о естественнонаучном, а социальном и гуманитарном, в частности, историческом, знании. Что останется от местной истории, если на смену краеведению придет комплекс более широких и менее конкретизированных знаний?

Рецензируемая книга открыто противостоит этим тенденциям. Прежде всего, включением в ее структуру традиционных краеведческих жанров — «материалов к летописи» и «журналистских зарисовок». Но также обильным цитированием и даже воспроизведением целых архивных документов или перепечаткой фрагментов воспоминаний из изданий, которые вряд ли имеются даже в крупнейших книгохранилищах региона. Или использованием «сомнительных» с точки зрения «высокой» науки источников — писем краеведов или пособия по краеведению, хранящегося в музее сельской средней школы.

Издание отличается неподдельным интересом к каждой прожитой жизни, будь то смотритель Александровского централа, култукский ветеринарный врач или урикский крестьянин. Фигурам, к которым вряд ли проявит интерес самый ответственный и дотошный, но «академический» историк, даже придумавший для своего оправдания конструкцию «человек второго плана в истории». Стремлением включить в свое историческое описание едва ли не каждый факт, почерпнутый из опубликованных или архивных источников, какой бы стороны жизни селения он не касался. Жертвуя порой ради этого стройностью изложения, сознательно дробя его на небольшие «главки», дабы познакомить читателя с дорогой

сердцу библиотечной или архивной находкой. При этом, по возможности, сделав факт зримым, осязаемым с помощью многочисленных иллюстраций (карт, схем, фотографий, портретов).

И в этом смысле каждая из включенных в сборник работ действительно представляет собой мозаику, собранную далеко не до конца, но из найденных на сегодняшний день осколков прошлого. Мозаику, которая подобно забытой на столе детской игрушке, заставляет наткнувшегося на нее заняться поиском недостающих кусочков, в тщетной надежде восстановить полную его картину.

Составитель же использовал в названии книги слово «мозаика», дабы указать на жанровое разнообразие представленных в ней материалов. Однако это многообразие практически полностью покрывается уже давно выработанным и широко используемым исторической наукой понятием «краеведческие описания». Думается, в названии книги было бы лучше отразить главную задачу издания, которую он же сформулировал в своем слове к читателю — «ничего не забывать». И, добавим, «предавать тиснению». Ведь как признается на страницах книги «любитель-краевед без специального исторического образования» Т.В. Ковальская, за годы отданные «тихой страсти» — краеведению, «много чего “накопала”, чем можно было гордиться». Подобные признания вполне могли прозвучать из уст и другого автора сборника — Ю.В. Братющенко, представившего на суд читателей результаты более чем сорокалетнего «старательского» труда.

Место мозаичным результатам таких краеведческих «раскопок» не в «Мозаике», но в «Архиве». «Архиве» как современном издании, название которого указывает не столько на важнейшую его задачу — публикацию разнообразных результатов, в том числе архивных, разысканий, сколько свидетельствует о стремлении превратить его в своеобразный архив, в нашем случае — местной истории, краеведения. Первый полновесный том такого «Архива» благодаря трудам авторов, составителя и издателя — Центра по сохранению историко-культурного наследия увидел свет. Поставим ли мы на свои полки второй?

В.В. СИННИЧЕНКО

ИСТОРИЯ ПРИБАЙКАЛЯ: «КНИГИ ПАМЯТИ» ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Уходящий XX в. был насыщен трагическими событиями в жизни человечества. В это время в мире появились различные формы диктаторских режимов, которые, не имея правовых основ для поддержания своей власти, прибегали к полицейским ограничениям гражданских свобод и даже геноциду собственных народов. Трудно смириться с утратами, понесенными в результате политических репрессий. Результатом стало по-